Константинъ Сотонинъ.

ЗАОПЫТНОЕ и ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ.

(Исторія и метафизика).

КАЗАНЬ.
Типо-Лит. Т-го Д-ма „В. Кремѣевъ и А. Шамбрингъ".
1915.

Константинъ Сотонинъ

ЗАОПЫТНОЕ и ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ.

(Исторія и метафизика).

162076

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

КАЗАНЬ.
Типо-Лит. Т-ва Д-ма „В. Еремѣевъ и А. Шашабринъ".
1915.

1р

„П... 38"
Пров. 1959
64285
Сот

Настоящая статья относится къ области не философіи исторіи, а гносеологіи, задачей ея является не оцѣнка исторіи какъ науки, а установленіе новой классификаціи объектовъ сужденій въ сравненіи съ данной Кантомъ; но т. к. исторія служитъ матеріаломъ для нашего изслѣдованія, и базисомъ его является наша мысль о невозможности знаній и опыта въ исторіи, то въ обсужденіи выставленной гносеологической проблемы могли бы очень помочь намъ и историки, какъ лица, имѣющія постоянное соприкосновеніе съ матеріаломъ обсуждаемаго вопроса, хотя, конечно, въ силу именно этого ихъ сужденія будутъ менѣе объективны.

Мы отнюдь не претендуемъ на признаніе совершенно новыми выставленныхъ нами положеній относительно объектовъ исторіи: нѣсколько сходную мысль высказываетъ Брэдли, Оствальдъ, А. И. Введенскій и нѣкоторые другіе, указывая на невозможность доказать существованіе прошлаго; Брэдли говоритъ даже о томъ, что основанія для заключенія по аналогіи къ

признанію чужой психики и наличности собственнаго моего прошлаго совершенно одинаковы (см. И. И. Лапшина: Проблема „чужого Я“ въ новѣйшей философіи, СПБ. 1910., стр. 173 и сл.; Л. Габриловича: О крайнемъ солипсизмѣ, въ Воп. фил. и псих., 1912, кн. 2). Но во-первыхъ, они говорятъ о сомнѣніи въ наличности прошлаго въ связи съ ученіемъ солипсизма, тогда какъ мы ставимъ эту проблему совершенно независимо отъ того, будемъ ли мы признавать чужое одушевленіе, или нѣтъ; во-вторыхъ, они говорятъ о сомнѣніи въ наличности „*моего* прошлаго“, тогда какъ мы интересуемся вопросомъ объ явленіяхъ прошлаго, относимыхъ мною ко времени до перваго моего осознанія (все же въ мірѣ явленій); къ признанію невозможности знаній объ объектахъ исторіи мы придемъ, исходя изъ какой угодно гносеологической точки зрѣнія—начиная отъ наивнаго реализма и кончая точнымъ критицизмомъ и крайнимъ солипсизмомъ.

Казань, 22 января 1915 года.

I. Феноменальное и ноуменальное.

Почти съ самаго начала европейской философіи установляется вопросъ о различеніи міра феноменальнаго и міра ноуменальнаго: первымъ дошедшимъ до насъ памятникомъ постановки этого вопроса является конфликтъ гераклитизма и элеатизма; и съ этого времени вплоть до послѣднихъ дней вопросъ о различеніи феномена и ноумена не оставляется безъ вниманія, можно сказать, ни въ одной философской системѣ; исторія гносеологіи есть въ существенномъ исторія эволюціи этой проблемы, и важнѣйшій моментъ въ ея эволюціи есть философія Канта. Для докантовской философіи есть только познанія, пріобрѣтенныя опытнымъ путемъ, и познанія, существующія въ насъ не благодаря опыту; первыя относятся къ міру феноменальному, вторыя—къ міру ноуменальному, какъ бы его ни понимать; такимъ образомъ къ міру ноуменальному докантовскимъ мыслителемъ относились всѣ понятія, не пріобрѣтенныя, съ его точки зрѣнія, опытнымъ путемъ,—будетъ ли это понятіе Бога и его бытія, начала міра, свободы воли, или причинности, простран-

ства, времени и т. д. Такъ же дѣло обстоитъ и у докантовскихъ эмпиристовъ: они только и эти понятія считаютъ пріобрѣтенными опытнымъ путемъ, слѣд., отвергая наличность у насъ ноуменальныхъ познаній, они отнюдь не мѣняютъ смысла разграниченія опытныхъ и сверхопытныхъ познаній, а развѣ только перемѣщаютъ понятія изъ области умопостигаемаго въ область опытнаго, сохраняя дѣленіе объектовъ этихъ понятій на феномены и ноумены, т. е. на объекты, доступные опытному постиженію и таковому недоступные, или же совершенно отвергая существованіе объектовъ, недоступныхъ опыту (естественно-научный матеріализмъ, какъ онъ самъ себя понимаетъ).

Только Кантъ *ясно* осозналъ, что нельзя всѣ „умопостигаемые" объекты, о которыхъ говорили его предшественники, разсматривать какъ нѣчто однообразное, они должны быть раздѣлены на два совершенно неоднородныхъ класса—объекты трансцендентные и „объекты" трансцендентальные: и тѣ и другіе не постигаются опытнымъ путемъ—на этомъ и кончается ихъ сходство; въ остальномъ они совершенно различны, даже противоположны именно вслѣдствіе перваго своего признака (сверхопытности): первые, не будучи постигаемы опытнымъ путемъ, не доступны и вообще познанію; вторые, напротивъ, не будучи постигаемы опытнымъ путемъ, именно въ силу этого позна-

ются даже гораздо болѣе твердо, чѣмъ объекты опыта. Трансцендентальное сверхопытно потому, что само оно является условіемъ всякаго опыта, именно, оно есть форма, *способъ*, какимъ мы воспринимаемъ все опытно-постигаемое; таковы пространство и время, какъ способы созерцанія, бытіе, причинность, субстанціальность и прочія категоріи, какъ способы мышленія того, что созерцается, аксіомы созерцанія и прочія основоположенія чистаго разсудка, какъ правила, способы объективнаго примѣненія категорій.

Трансцендентными же являются тѣ объекты, которые и не причастны къ познающей психикѣ въ смыслѣ ея способовъ и не могутъ быть даны въ опытѣ,—вещи (что бы подъ ними ни понимать), какъ онѣ были бы независимо отъ всякаго познанія; эти „вещи въ себѣ“, даже ихъ бытіе, не будучи даны въ опытѣ, совершенно не могутъ быть постигнуты; сюда Кантъ прежде всего относитъ Бога и его бытіе, свободу воли, безсмертіе души. Въ этомъ разграниченіи трансцендентнаго и трансцендентальнаго, смѣшиваемыхъ въ докантовской философіи, и заключается величайшая заслуга Канта. Такимъ образомъ, у Канта, на мѣсто двухъ основныхъ видовъ бытія—ноуменальнаго и феноменальнаго—прежней философіи, встаетъ понятіе трехъ родовъ бытія—феноменальнаго, трансцендентальнаго и трансцендентнаго;

міръ ноуменальный собственно соотвѣтствуетъ міру трансцендентному; но чтобы сохранить первоначальный смыслъ понятія феномена (являющагося чувствамъ) и ноумена (постигаемаго умомъ), мы предпочли бы назвать ноуменальнымъ міромъ трансцендентальное, „міръ" апріорныхъ формъ познанія, какъ дѣйствительно не данныхъ чувствами, а найденныхъ умомъ въ самомъ себѣ; міръ же трансцендентный долженъ быть противополагаемъ и тому и другому, какъ метафизическій.

Въ Россіи вопросъ объ опытномъ и сверхопытномъ получилъ широкую извѣстность благодаря проф. А. И. Введенскому въ 1892 году, когда появилось его изслѣдованіе „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. Новый психофизіологическій законъ въ связи съ вопросомъ о возможности метафизики". СПБ.; вопросъ этотъ получилъ здѣсь новое освѣщеніе и направленіе—А. И. Введенскій указалъ, какъ на метафизическую, на такую проблему, которая хотя и встала передъ западными философами раньше, но не осознавалась ясно, какъ *метафизическая* проблема,—это проблема о чужомъ одушевленіи. Изслѣдованіе А. И. Введенскаго подверглось многимъ и разнообразнымъ нападкамъ, но насколько онѣ были мало убѣдительны, показываетъ уже то, что А. И. Введенскій вплоть до послѣднихъ дней держится взгляда, высказан-

наго имъ впервые 22 года назадъ: въ своей „Психологіи безъ всякой метафизики“ СПБ. 1914, онъ повторяетъ безъ измѣненій свой „психофизіологическій законъ“. Аргументація А. И. Введенскаго сводится къ слѣдующему: „Безъ всякаго противорѣчія съ данными опыта и безъ всякаго опасенія быть теоретически опровергнутымъ я могу не только повсюду отрицать душевную жизнь, но и повсюду ее допускать; другими словами—вопросъ о предѣлахъ одушевленія принадлежитъ къ числу теоретически неразрѣшимыхъ“*); всѣ тѣлесные процессы можно объяснить безъ всякаго признанія душевной жизни; чужая душевная жизнь даже и непредставима какъ чужая, она совершенно выходитъ изъ предѣловъ опыта, и, значитъ, проблема чужого одушевленія есть проблема трансцендентно-метафизическая.

*) О пред. и призн. одуш.“, стр. 60.

II. Знаніе.

Итакъ, къ тѣмъ проблемамъ, которыя Кантъ счелъ метафизическими, А. И. Введенскій прибавляетъ еще одну—проблему чужого одушевленія, въ силу того, что и она не можетъ быть рѣшена опытнымъ путемъ. И уже это наводитъ на мысль, что область метафизическихъ проблемъ не исчерпана, что, можетъ быть, есть еще такія проблемы, которыя до сихъ поръ неправильно считались научными, а въ дѣйствительности оказываются метафизическими. И оказывается, что если принимать ту классификацію всѣхъ объектовъ сужденій, какую предлагаетъ Кантъ и какой придерживается А. И. Введенскій (объекты эмпирическіе, трансцендентальные и трансцендентные или метафизическіе), то мы будемъ принуждены, сверхъ всякаго ожиданія, отнести къ метафизикѣ —не отдѣльныя проблемы, какъ было до сихъ поръ, а еще и цѣлую дисциплину, съ метафизикой какъ будто не имѣющую совершенно никакой связи и считающуюся обычно наукой эмпирической—*исторію*, подъ которой мы будемъ понимать дисциплину о прошломъ вообще.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что объекты исторіи не суть объекты трансцендентальные —развитіе культуры, общества, политическія событія прошлаго—не способы, не формы познанія нашей психики. Слѣдовательно, при Кантовой классификаціи объектовъ, объекты исторіи надо отнести къ области или эмпирическаго или метафизическаго. Но подъ эмпирическими объектами и Кантъ, и А. И. Введенскій и прочіе изслѣдователи понимаютъ тѣ, относительно которыхъ возможенъ опытъ, познаніе которыхъ достигается опытнымъ путемъ. *Объекты же исторіи*, какъ мы покажемъ въ дальнѣйшемъ, *отнюдь не есть и не могутъ быть объектами, относительно которыхъ возможно опытное знаніе, т. е., мы вообще не обладаемъ и не можемъ обладать никакимъ знаніемъ объ объектахъ исторіи*, если только у насъ нѣтъ особаго „историческаго“ чувства.

Прежде всего, мы должны установить понятіе знанія. Несомнѣнно, во-первыхъ, что оно есть продуктъ *познавательной* дѣятельности психики, во-вторыхъ, оно необходимо выражается категорическимъ сужденіемъ *). Знаніе исключаетъ воз-

---

*) Это послѣднее слѣдуетъ нѣсколько разъяснить. Вѣдь и такія сужденія, какъ: „Если есть А, то есть В“ и „А есть или В или С“ могутъ быть знаніями, но поскольку они—знанія, они не будутъ условнымъ и раздѣлитель-

можность сомнѣній, знаніе есть такое убѣжденіе, въ которомъ сомнѣваться *логически* невозможно; если такая возможность относительно познаваемаго объекта для меня еще допустима, я не могу сказать, что *я знаю,* что дѣло обстоитъ такъ, какъ я выразилъ въ сужденіи. Кантъ опредѣляетъ знаніе какъ увѣренность, достаточную какъ субъективно, такъ и объективно, въ отличіе отъ мнѣнія, какъ увѣренности, недостаточной даже субъективно, и отъ вѣры, какъ увѣренности, достаточной субъективно. Но если объективную достаточность понимать въ смыслѣ значимости для всѣхъ познающихъ субъектовъ, то понятіе объективнаго вносится въ понятіе знанія совершенно безосновательно: всѣ знанія, касающіяся психическихъ состояній, никогда не могутъ быть достаточными объективно, но нельзя же поэтому не считать ихъ знаніями. Поэтому мы вносимъ иное содержаніе въ понятіе объективной значимости знанія: объективная значимость—способность принудительности къ принятію истинности содержанія даннаго сужденія, *принудитель-*

нымъ, а категорическими, именно, знаніемъ въ нихъ является все сужденіе въ цѣломъ, такъ что мы знаемъ только слѣдующее: „Вѣрно, что если есть A, то есть B“ и „Вѣрно, что A есть или B или C“, слѣд., и здѣсь знаніе выражается въ категорическихъ сужденіяхъ.

ность—основная черта знанія, и она ничѣмъ не отличается отъ указанной выше черты знанія—невозможности логическихъ сомнѣній въ немъ; еще иначе эту черту можно назвать доказательностью; ту же черту отмѣчаетъ въ знаніи А. И. Введенскій, называя знаніемъ сужденіе оправданное (оправданіе сужденія, по его опредѣленію, есть „удостовѣреніе въ истинности сужденія".—Логика, какъ часть теоріи познанія, 2 е изд., Спб. 1912, стр. 113).

Но основныхъ видовъ доказательности, принудительности сужденій—два: осознаніе непосредственныхъ переживаній (напр., „я вижу красный столъ"—меня принуждаетъ къ признанію истинности этого сужденія самое сознаніе такого переживанія, и въ его истинности нельзя логически сомнѣваться), и опосредствованныя доказательства. Или, говоря словами А. И. Введенскаго: „Основные методы оправданія сужденій сводятся къ двумъ: къ простой установкѣ (или, какъ выражаются иначе, къ простому констатированію) данныхъ опыта и къ доказательству, такъ что всякій методъ оправданія составляетъ либо видоизмѣненіе одного изъ этихъ, либо ихъ разнообразныя соединенія между собой. Подъ простой установкой данныхъ опыта подразумѣвается такая установка (или констатированіе) подмѣченнаго при наблюденіяхъ и экспериментѣ, при кото-

рой данныя опыта берутся въ ихъ чистомъ видѣ, безъ соединенія съ какими бы то ни было основанными на нихъ умозаключеніями.. Подъ доказательствомъ же въ логикѣ подразумѣвается оправданіе сужденія, посредствомъ умозаключеній... На основаніи же того. какимъ изъ этихъ двухъ основныхъ методовъ оправдано сужденіе, все знаніе раздѣляется на двѣ части: на непосредственное и опосредствованное. Непосредственнымъ знаніемъ называется совокупность всѣхъ сужденій, оправданныхъ простой установкой данныхъ опыта, опосредствованнымъ же—оправданное какими бы то ни было доказательствами". (Логика... стр. 114—115).

Которымъ же изъ этихъ двухъ видовъ оправданія оправдываются сужденія объ объектахъ исторіи, если о нихъ возможно знаніе? Т. е., если сужденія о нихъ могутъ быть знаніемъ, то какое это знаніе—непосредственное или опосредствованное?

III. Исторія и непосредственное знаніе.

Всѣ объекты исторіи, т. е. все прошлое естественнѣе всего раздѣлить на двѣ неравныхъ части, рубежомъ между которыми будетъ день моего рожденія или моментъ, съ котораго я помню себя. Разница между этими двумя частями громадна: *каждый* моментъ второй части былъ для меня настоящимъ, я былъ современенъ ему; *ни одинъ* моментъ первой части никогда не былъ современенъ мнѣ, онъ всегда былъ и навсегда долженъ остаться прошедшимъ по отношенію ко мнѣ. А всякое непосредственное знаніе, будучи *моимъ* знаніемъ (ибо развѣ будетъ оно для меня знаніемъ, если не будетъ *моимъ* знаніемъ?), необходимо должно быть результатомъ констатированія *моего* опыта, *моихъ* непосредственныхъ переживаній; чужому опыту, чужимъ переживаніямъ я могу довѣрять, но они совершенно не могутъ дать мнѣ непосредственнаго *знанія* объ объектахъ, которыхъ они касаются: сколько бы свидѣтельствъ лицъ самыхъ уважаемыхъ, самыхъ авторитетныхъ для меня ни доставлялось мнѣ относительно того, что для нихъ данное сужденіе есть

непосредственное знаніе, для меня оно не будетъ знаніемъ, а только увѣренностью субъективной, вѣрой *, пока *я самъ* не переживу того, что переживаютъ свидѣтельствующіе мнѣ. Но переживанія могутъ относиться только къ такимъ объектамъ, которые находятся на лицо въ настоящее время, т. е. переживанія должны быть современны объектамъ, о которыхъ что либо переживается, непосредственный опытъ не можетъ быть опытомъ о томъ, чего нѣтъ на лицо въ моментъ произведенія опыта. Слѣд., я могу имѣть непосредственное знаніе только о томъ, чему я современенъ, а отсюда очевидно, что изъ всѣхъ объектовъ исторіи непосредственное знаніе я могу имѣть только о тѣхъ, которые относятся ко второй, меньшей части—объ объектахъ, которые когда либо

*) Такого рода вѣру я называю вѣрою этическою, иначе называемою довѣріемъ. Значеніе ея громадно даже и въ наукахъ: ни одна описательная наука не обходится безъ нея, но и ни одна наука не должна довольствоваться вѣрой: необходимо помнить, что довѣріе есть ничто иное, какъ только средство для экономіи силъ человѣческаго познанія: вмѣсто того, чтобъ провѣрять на опытѣ всѣ интересующія меня сужденія, я принимаю ихъ истинность на основаніи довѣрія къ лицамъ, которыя говорятъ, что провѣряли ихъ; но въ случаѣ необходимости я могу провѣрить данное сужденіе, истинность котораго до тѣхъ поръ я принималъ условно.

были современны мнѣ. Но даже и объ этихъ объектахъ я имѣю непосредственное знаніе не поскольку они—объекты исторіи, а поскольку они современны мнѣ, т. е., поскольку они не относятся къ области исторіи. Что же касается объектовъ исторіи, предшествующихъ по времени моему рожденію (а это и есть собственно предметъ исторіи какъ особой дисциплины), то о нихъ я совершенно не могу имѣть никакого непосредственнаго знанія, ибо каждый такой объектъ никогда не былъ современенъ мнѣ. И вообще, *объекты исторіи по существу таковы, что о нихъ нѣтъ и не можетъ быть непосредственнаго знанія* (вѣдь, какъ мы уже указали, и объ объектахъ, когда либо современныхъ мнѣ, я имѣю непосредственное знаніе только постольку, поскольку они *не суть* объекты исторіи).

Слѣдовательно, если мы имѣемъ о нихъ какое либо знаніе, то это знаніе необходимо будетъ опосредствованнымъ, опирающимся на умозаключенія.

IV. Исторія и опосредствованное знаніе.

Отъ чего будутъ итти эти умозаключенія, какъ не отъ непосредственнаго опытнаго знанія? Вѣдь они не могутъ итти отъ знанія трансцендентальныхъ объектовъ: въ такомъ случаѣ исторія была бы апріорной наукой. И дѣйствительно, исторія опирается на непосредственныя знанія, на опытныя знанія объ объектахъ, современныхъ мнѣ; этими объектами являются историческіе документы или памятники въ широкомъ смыслѣ слова и все, играющее роль такихъ памятниковъ. Эти памятники мы, дѣйствительно, можемъ изучить, т. е. получить о нихъ знаніе и именно непосредственное, если они сохранились до насъ и, слѣд., современны намъ (а только въ такомъ случаѣ мы и можемъ знать ихъ, т. к. если они не сохранились до насъ, то мы никакъ не можемъ знать ихъ, а знаемъ развѣ только памятникъ, современный намъ, о потерянномъ памятникѣ).

Какимъ же путемъ идетъ исторія отъ этихъ непосредственныхъ знаній о памятникахъ къ реконструкціи прошлаго? Вѣдь поскольку памятникъ данъ намъ непосредственно, онъ данъ только

какъ современный намъ, и въ немъ нѣтъ никакого непосредственнаго указанія на то, *что фактически было*; между тѣмъ, для исторіи интересна именно *фактическая* наличность въ прошломъ тѣхъ и иныхъ явленій, а не простая возможность такой наличности; ей интересно не то, что памятникъ *говоритъ* о такой наличности, независимо отъ того, было ли это въ дѣйствительности или нѣтъ, а то, что памятникъ обнаруживаетъ намъ дѣйствительную наличность явленій. Исторія должна *умозаключать* отъ непосредственной наличности памятниковъ къ наличности въ прошломъ тѣхъ или иныхъ явленій. Но результатъ умозаключенія только тогда будетъ, несомнѣнно, знаніемъ, когда это умозаключеніе базируется исключительно на знаніяхъ, когда предпосылками являются знанія; если же въ цѣпи умозаключеній хотя бы одна изъ предпосылокъ не есть знаніе, мы никоимъ образомъ не имѣемъ права назвать результатъ (*какъ* результатъ) умозаключенія знаніемъ; гдѣ допущена хотя бы одна гипотеза, тамъ нѣтъ уже дѣйствительнаго знанія, а есть только сужденіе вѣроятное, и чѣмъ болѣе гипотезъ въ умозаключеніи, тѣмъ меньшею вѣроятностью обладаетъ его результатъ. Если къ тому же хотя бы одна изъ допущенныхъ гипотезъ никогда не можетъ по самому существу своему стать знаніемъ, то мы рѣшительно, безъ опасенія быть

опровергнутыми, можемъ утверждать, что сужденіе, являющееся результатомъ этого умозаключенія, никогда не станетъ знаніемъ, если для того, чтобы притти къ нему, необходима данная гипотеза.

Но *умозаключенія исторіи не обходятся и не могутъ обойтись безъ гипотезъ, и часть этихъ гипотезъ такова, что онѣ по самому существу своему никогда не могутъ стать знаніемъ.* Первой, основной и необходимой гипотезой исторіи является увѣренность, что до момента моего перваго опыта, перваго осознанія себя уже было нѣчто измѣнчивое. Безъ этого предположенія не можетъ быть исторіи, а оно не можетъ быть никогда знаніемъ: оправдать сужденіе до меня были какія-либо явленія, совершенно невозможно: наличность явленій, которымъ я никогда не былъ современенъ, не дана и не можетъ быть дана въ непосредственномъ опытѣ, ибо въ послѣднемъ дается только современное мнѣ; умозаключать къ нему отъ даннаго мнѣ непосредственно невозможно, потому что непосредственный опытъ всегда говоритъ только: „это есть“, или: „это было, когда я производилъ опытъ“, но онъ никогда не можетъ сказать: „это было до меня.“—Но, возразятъ мнѣ, истинность выставленнаго сужденія очевидна.—Да, очевидна, очевидна настолько же, насколько очевидна истинность утвержденія о

наличности чужой душевной жизни,—т. е., и то и другое сужденіе есть наша глубокая увѣренность, настолько глубокая, что въ немъ никто не сомнѣвается, и все же эта увѣренность не есть знаніе, не есть оправданное сужденіе, такое, въ которомъ невозможно логически сомнѣваться

Наше мнѣніе подтверждается и тѣмъ, что всю наличность современной мнѣ дѣйствительности, т. е. все. что дано и дается мнѣ въ непосредственномъ опытѣ и черезъ умозаключенія отъ него, можно объяснить безъ всякаго предположенія о томъ, что были какія либо явленія до меня: отказываясь отъ гипотезы, необходимой для исторіи, мы получаемъ такое міровоззрѣніе: весь міръ *сталъ* вмѣстѣ съ первымъ моимъ опытомъ или непосредственно передъ нимъ, и ставши, сталъ *такимъ*, какимъ я его воспринимаю, съ тѣми законами, какіе я въ немъ наблюдаю, съ тѣми документами, книгами и всѣмъ, что обычно считается памятниками времени, предшествующаго моему рожденію, съ людьми, начинающими свою рѣчь, какъ будто прерванную на полсловѣ и т. д. Вставъ на такую точку зрѣнія, мы можемъ быть увѣрены, что никакое знаніе не будетъ противорѣчить ей, ничто не опровергнетъ ея, ибо всякій опытъ относится къ фактамъ современнымъ намъ, а ихъ мы оставляемъ въ томъ же состояніи, въ какомъ они были и при гипотезѣ исторіи, измѣ-

няемъ же то, относительно чего не можетъ быть никакого опыта, что́ не можетъ быть ничѣмъ провѣрено и, слѣд., ничѣмъ опровергнуто.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы защитникъ исторіи какъ науки сталъ оправдывать свою точку зрѣнія и, слѣд., опровергать выставленную нами? Можетъ быть, онъ скажетъ, что данное мнѣ въ опытѣ не можетъ стать сразу такимъ, а должно притти къ этому состоянію путемъ постепенной эволюціи?—Но откуда же онъ это взялъ? Какъ онъ оправдаетъ эту свою мысль о необходимости эволюціи? Непосредственный опытъ не говоритъ за нее, а обнаруживаетъ развѣ только эволюцію въ тѣхъ явленіяхъ, которыя происходятъ при моей жизни; но вѣдь мы и сказали, что вмѣстѣ съ нами міръ сталъ со всѣми своими законами, слѣд., и съ закономъ эволюціи, если онъ есть; какимъ же образомъ можемъ мы перенести данное при нашей жизни на предшествующее намъ? Само понятіе эволюціи въ явленіяхъ до насъ безъ допущенія наличности явленій до насъ совершенно невозможно.

Не болѣе серьёзны будутъ и другія возраженія защитника исторической гипотезы. Заявивъ же, что предложенное нами устраненіе этой гипотезы нелѣпо по своему допущенію, онъ показалъ бы лишь, что для него важны не интересы науки, а бережливое сохраненіе и лелѣяніе хотя бы не-

годныхъ цѣнностей: не оправдавъ своего взгляда противъ какихъ бы то ни было возраженій, нельзя эти возраженія называть нелѣпыми; надо или опровергнуть ихъ, или считаться съ ними. Къ тому же, наше допущеніе о возникновеніи міра въ готовомъ видѣ и не настолько ужъ нелѣпо, какъ нѣкоторые могли бы думать: мы имѣемъ образецъ приблизительно такого мнѣнія въ Библіи: Моисей передаетъ, что Богъ создалъ міръ въ шесть дней и въ концѣ ихъ сотворилъ человѣка (взрослымъ), для котораго, слѣд., міръ былъ уже въ готовомъ видѣ; очевидно, что Моисей и весь еврейскій народъ его времени, а также многіе современные намъ богословы не видятъ не только никакой нелѣпости, но даже и затрудненія представлять себѣ нѣкую мыслящую личность (Адама), вмѣстѣ съ которымъ (или непосредственно, за шесть дней передъ нимъ, безъ всякой эволюціи) возникъ міръ въ его готовомъ видѣ, со взрослыми животными, съ растеніями, уже несущими плодъ, можетъ быть, даже съ костями мамонтовъ и „первобытныхъ людей“, вмѣстѣ съ ихъ орудіями, въ землѣ. Глубоко ошибается тотъ, кто утверждаетъ, будто заявленіе Моисея, по которому міръ возникъ впервые (и именно такъ, какъ мы указали) за 7422 года до нынѣшняго, опровергнуто наукой. Наука не могла и никогда не сможетъ опровергнуть этого: чтобы опровергнуть утвержде-

ніе Моисея, необходимо *знать*, что состояніе, въ какомъ Моисей представляетъ себѣ міръ въ первый моментъ его бытія, можетъ возникнуть только путемъ эволюціи; но знать это невозможно, это всегда есть допущеніе, вѣра. Можно сказать лишь, что утвержденіе Моисея отвергнуто, и не наукой, а людьми науки, какъ такая гипотеза, которая не все объясняетъ изъ естественной эволюціи; а, какъ мы уже сказали, постоянство эволюціи тоже есть положеніе, принятое на вѣру.

А разъ не можетъ быть опровергнуто утвержденіе Моисея, то то же самое мы должны сказать и о другихъ подобныхъ утвержденіяхъ, съ все бо́льшимъ и бо́льшимъ ограниченіемъ времени, пока, наконецъ, не дойдемъ до момента моего перваго осознанія, какъ до того момента, съ котораго міръ впервые сталъ. А отсюда слѣдуетъ, что *всякая наличность явленій до моего рожденія есть предметъ вѣры, а отнюдь не знанія. Объекты исторіи по существу таковы, что о нихъ не можетъ быть никакого опыта и, слѣд., никакого знанія, ни непосредственнаго, ни опосредствованнаго. Исторія, какъ таковая, не можетъ включить въ себя ни одного сужденія, которое было бы знаніемъ, значитъ, не есть и не можетъ быть наукой*, если подъ послѣдней понимать систему *знаній*.

V. Допущенія исторіи.

Но можетъ быть, если считать непреложной истиной основное предположеніе исторіи (о наличности явленій до насъ), то на основахъ изученія памятниковъ объ объектахъ исторіи возможно знаніе по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ можетъ быть знаніемъ условное сужденіе? Т. е., не будемъ ли мы *знать* то, что *если* правильно наше допущеніе о наличности явленій до насъ, то историческій ходъ событій былъ такой-то (если есть А, то есть В)?—Но оказывается, что для того, чтобы строить какія либо умозаключенія изъ непосредственно даннаго, исторія должна вслѣдъ за основной гипотезой допустить рядъ другихъ предположеній, и прежде всего—что явленія до насъ происходятъ въ *извѣстномъ* порядкѣ, по *опредѣленному* закону, такъ или иначе эволюціонируютъ. Оправдать это допущеніе сдѣлать его знаніемъ, очевидно, также совершенно невозможно, даже принимая первое предположеніе: опираться опять пришлось бы на непосредственное знаніе, а оно ничего не можетъ говорить о прошломъ, слѣд., и того, по какому за-

кону происходили явленія и былъ ли какой либо законъ. Нѣкоторыя историческія дисциплины, какъ палеонтологія, при этой гипотезѣ объ эволюціи опредѣленнаго рода въ прошломъ *) кое-какъ могутъ обойтись безъ дальнѣйшихъ допущеній; но большинство собственно историческихъ дисциплинъ (такъ называемыхъ гуманитарныхъ) принуждены дѣлать все новыя и новыя допущенія. Основными матеріалами, на которыхъ базируется исторія, являются памятники вещественные и письменные; и конечно, для исторіи имѣютъ значеніе только подлинные памятники; но даже принимая за знаніе прежнія допущенія, можно ли *доказать*, что данный памятникъ подлиненъ? т. е., можно ли оправдать сужденіе о подлинности памятниковъ безъ новыхъ допущеній чего либо на вѣру? Напр., какъ историкъ сталъ бы доказывать, что сочиненіе, извѣстное намъ подъ названіемъ „Политія Платона", дѣйствительно принадлежитъ Платону или, по крайней мѣрѣ, относится къ IV в. до Р. Х.?—Прежде всего, онъ указалъ бы, что это сочиненіе приписывается Платону ближайшими его учениками, которые не могли не знать, кто авторъ этого сочиненія.—Но сколько допущеній, совершенно бездоказа-

*) Въ этой гипотезѣ, къ тому же, соединяются два допущенія: эволюціи и ея опредѣленности въ прошломъ.

тельныхъ, дѣлаетъ историкъ при этомъ утвержденіи! Во-первыхъ, онъ, несомнѣнно, *вѣритъ* ученикамъ Платона, и эту свою вѣру никогда не сможетъ перевести въ знаніе, подобно тому, какъ вѣря астрономамъ въ томъ, что у Сатурна имѣются кольца и спутники, я всегда могу перевести свою вѣру въ знаніе.—Историкъ скажетъ до насъ дошло нѣсколько свидѣтельствъ отъ различныхъ лицъ, другъ другу, можетъ быть, даже враждебныхъ, о подлинной принадлежности Политіи Платону.—Но, возражаю я, развѣ оттого, что тысячи астрономовъ разныхъ временъ и изъ различныхъ странъ говорятъ о дѣйствительности колецъ Сатурна, я становлюсь *знающимъ*, а не только вѣрящимъ, что у Сатурна дѣйствительно есть кольца? Конечно, нѣтъ! Вѣдь я отлично могу допустить, что весь міръ сговорился обмануть меня, и каково же было бы мое удивленіе, если бы я, считая знаніемъ свою вѣру астрономамъ, однажды направилъ телескопъ на Сатурнъ и не нашелъ бы у него колецъ! Вѣдь знаніе есть то, что не можетъ быть опровергнуто и въ чемъ невозможно сомнѣваться,—а какое же бы это было знаніе?!

Во-вторыхъ, приводя свое „доказательство", историкъ *вѣритъ*, что былъ дѣйствительный Платонъ и свидѣтельствующія лица дѣйствительно знали его и были его учениками; чтобы доказать

это, историкъ принужденъ будетъ довѣрять новымъ свидѣтельствамъ и т. д. и т. д. Въ третьихъ, онъ вѣритъ, что данныя свидѣтельства принадлежатъ дѣйствительно указываемымъ имъ лицамъ. Вообще, оказывается, что знаемъ-то мы и историкъ только самое сочиненіе Политію и другія сочиненія или записанныя мысли, съ именемъ Аристотеля или кого бы то ни было, въ которыхъ говорится, что Политія принадлежитъ Платону; затѣмъ, рядъ документовъ, говорящихъ, что эти свидѣтельства принадлежатъ тому-то, жилъ онъ тогда-то; короче, знаемъ мы только современные намъ памятники, все же остальное, всѣ историческія сужденія выводимъ на основѣ безчисленнаго множества допущеній, которыя никогда не могутъ быть доказаны, т. е. переведены въ знаніе.

Другой примѣръ: передо мной книга, отмѣченная: Basileae MDCCXLI, въ пергаментѣ. Разсмотримъ эту книгу какъ вещественный памятникъ, для изученія искусства XVIII вѣка по виньеткамъ, встрѣчающимся въ книгѣ. Необходимо доказать подлинность памятника, т. е., дѣйствительную принадлежность его къ XVIII вѣку. Историкъ скажетъ, что матеріалъ бумаги, пергаментъ, въ который переплетена книга, шрифтъ, пятна на книгѣ,—все говоритъ за подлинность книги; поддѣлать все это невозможно. Но во-пер-

выхъ, надо доказать, что XVIII вѣку дѣйствительно свойственны такая бумага, такой шрифтъ и т. д., и для доказательства историкъ опять принужденъ будетъ принимать многое на вѣру; кромѣ того, нельзя рѣшительно утверждать, что поддѣлка невозможна: она, можетъ быть, невозможна при нашихъ техническихъ средствахъ, но мы всегда можемъ мыслить идеальнаго поддѣлывателя, кто бы онъ ни былъ, и затрудненіе устраняется.

Было бы скучно показывать невозможность *доказать* подлинность всевозможныхъ другихъ памятниковъ, читатель можетъ продѣлать это самъ; мы съ своей стороны можемъ повторить слова А. И. Введенскаго: „Удачное опроверженіе скептика всегда будетъ кажущимся. Кто не вѣритъ этому и не хочетъ вникнуть въ указанную причину неизбѣжности логическихъ ошибокъ при попыткахъ опровергнуть скептика, тотъ пусть попробуетъ составить вѣское опроверженіе; авторъ же этихъ строкъ принимаетъ на себя обязанность обнаружить кажущійся характеръ такихъ опроверженій". (О пред. и призн. одуш., стр. 49).

Въ подлинности любого историческаго памятника—вещественнаго и письменнаго—можно сомнѣваться безъ всякаго опасенія быть опровергнутымъ знаніями, даже если считать знаніями основныя

историческія гипотезы, указанныя выше, а отсюда слѣдуетъ, что ни изъ какихъ дѣйствительныхъ знаній невозможно умозаключить къ подлинности памятника безъ принятія на вѣру многаго другого *).

Ни объ одномъ объектѣ исторіи не можетъ быть никакого знанія, ни непосредственнаго, ни опосредствованнаго, и, слѣд., никакого опыта; всѣ объекты исторіи по самому существу своему сверхопытны и.и, лучше сказать, *заопытны.*

---

*) Этимъ мы не хотимъ сказать, что критика историческихъ источниковъ съ цѣлью установить ихъ подлинность—дѣло совершенно безнадежное; нѣтъ, такая критика цѣнна въ томъ отношеніи, что дѣлаетъ *болѣе вѣроятною* ихъ подлинность; мы говоримъ только, что эта вѣроятность никогда не можетъ стать знаніемъ. Между прочимъ, не можетъ ли быть знаніемъ по крайней мѣрѣ отрицательное сужденіе о подлинности историческихъ документовъ, т. е., нельзя ли доказать, что данный памятникъ неподлиненъ?—Нѣтъ, и это невозможно: пришлось бы опять принимать на вѣру свидѣтельства и многое другое; даже такія какъ будто нелѣпыя утвержденія, какъ то, что, наприм., Соборъ Парижской Богоматери сооруженъ Пиѳагоромъ, не могутъ быть опровергнуты безъ принятія многаго на вѣру.

VI. Исторія философіи и сравнительная лингвистика.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о двухъ наукахъ, хотя и имѣющихъ большое соприкосновеніе съ историческими дисциплинами, но являющихся исключеніями изъ нихъ и остающихся *науками*— мы подразумѣваемъ исторію философіи и сравнительную лингвистику.

Для исторіи какъ таковой необходима, сказали мы, фактическая наличность явленій до моего рожденія; безъ этого исторія перестаетъ быть исторіей; для нея важно, что дѣйствительно былъ Александръ Македонскій, что дѣйствительно была конституція 1791 года во Франціи и т. д. Поэтому она принуждена принимать всѣ вышеуказанныя допущенія и перестать быть системой *знанія. Для исторіи философіи фактическая наличность явленій до моего рожденія совершенно несущественна*, исторія философіи остается и безъ предположенія этой наличности, не теряя ничего цѣннаго, а даже пріобрѣтая—научную цѣнность.

Здѣсь не мѣсто опредѣлять понятіе философіи, но если мы примемъ, что философія есть міровоззрѣніе (подъ это опредѣленіе подойдетъ всякое

ея опредѣленіе болѣе строгое), то исторія философіи отнюдь не есть исторія смѣны міровоззрѣній; здѣсь дѣло обстоитъ гораздо сложнѣй и иначе: всякое міровоззрѣніе есть со своей точки зрѣнія *истинное* міровоззрѣніе, слѣдующее же за нимъ міровоззрѣніе находитъ въ немъ ошибки, и принимая истинное, въ немъ, устраняетъ ошибочное, исправляетъ его и дополняетъ истинное; съ этимъ міровоззрѣніемъ случается то же, и т. д. Если придерживаться общеисторической точки зрѣнія, то эти міровоззрѣнія будутъ смѣняться хронологически и принадлежать разнымъ лицамъ, бывшимъ до меня; тогда исторія философіи принимаетъ допущенія на вѣру и перестаетъ быть системой знаній. Но съ устраненіемъ гипотезы о наличности явленій до меня исторія философіи не только не страдаетъ, но даже выигрываетъ, становясь наукой: исторія философіи становится тогда исторіей напластованій истинности, независимо отъ хронологической даты того и иного пласта: исторія философіи есть такая система, которая реконструируетъ на основѣ изученія непосредственно данныхъ (въ документахъ) міровоззрѣній исчерпывающее міровоззрѣніе съ постепеннымъ приближеніемъ къ нему; именно, исторія философіи есть исторія моей собственной души, моего собственнаго міровоззрѣнія; я непосредственно знаю, что

къ осознанію истинности я прихожу не сразу, но постепенно, сначала, можетъ быть, во всемъ заблуждаясь, потомъ найдя одну истину, затѣмъ послѣ новыхъ заблужденій другую и т. д.; въ этомъ исканіи мнѣ способствуютъ непосредственно данныя мнѣ, какъ современныя мнѣ, міровоззрѣнія, изложенныя во всякаго рода памятникахъ; содержаніе ихъ, оказывается, въ высшей степени разнообразно, но я нахожу между ними нѣкоторыя сходства, большую и меньшую сложность, большее и меньшее осознаніе истинности и т. д.; я вижу, что пока я не узнаю всѣ ихъ, я рискую склониться къ такому міровоззрѣнію (въ цѣломъ или въ частяхъ), которое уже имѣется въ числѣ изложенныхъ въ памятникахъ и ошибочность котораго указана въ другомъ изъ этихъ памятниковъ; отсюда у меня возникаетъ склонность познакомиться со всѣми памятниками, содержащими міровоззрѣнія, чтобы воспринявъ всю ихъ истинность и устранивъ всѣ ихъ ошибки (сами же они и помогаютъ мнѣ въ этомъ), стать на вершинѣ ихъ и дать наиболѣе истинное міровоззрѣніе; но если я стану знакомиться съ ними безъ всякаго порядка, то это будетъ весьма затруднительно и для моей памяти, какъ всякій калейдоскопъ, и не будетъ столь полезно потому, что въ такомъ случаѣ я могу натолкнуться сначала на болѣе сложныя міровоззрѣнія, затруднительныя для пониманія,

а потомъ буду знакомиться съ менѣе сложными, которыя въ силу этого потеряютъ часть своего значенія для созданія моего міровоззрѣнія. Поэтому я ставлю передъ собою задачу изучить міровоззрѣнія въ порядкѣ возрастанія ихъ сложности и истинности. Тогда у меня получается такая система: въ началѣ всего я ставлю наипростѣйшее міровоззрѣніе, напр.: я хочу ѣсть, у меня нѣтъ хлѣба, а у моего сосѣда онъ имѣется; поэтому слѣдуетъ отнять у него. Затѣмъ идетъ міровоззрѣніе, которое находитъ въ предыдущемъ какое либо затрудненіе, какую либо ошибку и исправляетъ ее; если такого міровоззрѣнія не сохранилось, а слѣдующее наипростѣйшее оказывается гораздо сложнѣе, то я стараюсь самъ раскрыть ошибки предыдущаго міровоззрѣнія и исправить ихъ такъ, чтобы сдѣлать мостъ къ болѣе сложному міровоззрѣнію, т. е., установить, какимъ должно быть слѣдующее міровоззрѣніе, съ бо́льшимъ осознаніемъ истинности; и я дополняю выставленное примитивное міровоззрѣніе, напр., такъ: мой сосѣдъ можетъ оказаться сильнѣе меня, и я не только не отниму у него хлѣбъ, но еще самъ потеряю отъ него: поэтому слѣдуетъ не отнимать хлѣбъ, а или попросить или украсть, и т. д. Такимъ образомъ я прихожу постепенно къ міровоззрѣнію: все полно боговъ и начало всего—вода; въ памятникахъ оно сохранилось подъ именемъ Ѳа-

леса, и я могу въ своей „исторіи напластованій философской истинности“ отмѣтить: данное міровоззрѣніе извѣстно мнѣ подъ именемъ Ѳалесова; но этимъ я отнюдь не утверждаю, что дѣйствительно былъ Ѳалесъ до моего рожденія—для меня это совершенно не интересно, мнѣ интересно лишь то, что данное міровоззрѣніе по степени своей сложности и приближенія къ истинности стоитъ ниже почти всѣхъ извѣстныхъ мнѣ изъ литературныхъ памятниковъ, и *поэтому* я ставлю это міровоззрѣніе въ своей исторіи философіи раньше большинства другихъ; точно также я, вѣроятно, поставлю очень рано, довольно близко къ міровоззрѣнію „Ѳалеса“, міровоззрѣніе, извѣстное мнѣ подъ именемъ „философіи Геккеля“ или же совсѣмъ выброшу его, если оно окажется ничего не привносящимъ цѣннаго въ сравненіи съ прочими міровоззрѣніями, подобными ему.

Итакъ, исторія философіи есть не болѣе, какъ мое собственное возрастающее осознаніе истинности, поэтому послѣдней системой въ исторіи философіи необходимо будетъ *моя* система, съ предшествующей критикой предыдущихъ системъ; поэтому же исторія философіи необходимо есть *введеніе* въ систему философіи и именно, въ систему *моей* философіи.

Эта исторія философіи вовсе не есть историческая дисциплина, она не предполагаетъ на-

личности явленій до меня. Вотъ почему въ то время, какъ исторія не есть система *знаній*, исторія философіи есть именно система знаній; такъ же можно разсмотрѣть и исторію другихъ наукъ.

Базисомъ для сравнительной лингвистики служитъ то, что между нѣкоторыми языками данными намъ въ живой рѣчи и въ литературныхъ памятникахъ, слѣд., извѣстными намъ, какъ современные съ нами, замѣчаются нѣкоторыя сходства, какъ въ корняхъ словъ, такъ и въ прочихъ морфологическихъ элементахъ; языки, въ которыхъ замѣчаются такія сходства, мы называемъ родственными между собой, и задача сравнительной лингвистики заключается въ томъ, чтобы изучивъ сходства данной (родственной) группы языковъ, свести родственныя явленія къ единству, изъ котораго, какъ изъ родоначальника, можно было бы объяснить различія въ языкахъ при ихъ родствѣ; если разсматривать сравнительную лингвистику какъ историческую дисциплину, то ея задача сводится къ тому, чтобы отъ этого найденнаго единства, отъ общей исходной точки, называемой временемъ праязыка данной группы, показать развитіе данной группы языковъ до ихъ современнаго состоянія *). Но можно дать лин-

---

*) K. Brugmann. Grundr. d. vergl. Gramm. Strassb 1886, B. I, S 1.

гвистикѣ и иное освѣщеніе: констатировавъ родство даннаго морфологическаго элемента въ извѣстныхъ мнѣ языкахъ, я установляю, что опредѣленный звукъ одного языка соотвѣтствуетъ опредѣленному звуку другого, напр., снскр. bh слав **б** греч. φ лат. f, установивъ звуковыя соотвѣтствія въ родственныхъ языкахъ для всѣхъ звуковъ, я символически обозначаю каждое соотвѣтствіе опредѣленнымъ знакомъ (напр., въ приведенномъ случаѣ—*bh) и полученную систему символовъ звуковыхъ соотвѣтствій (и систему символовъ соотвѣтствій грамматическихъ вообще) называю (условно) звуковой и грамматической системой праязыка данной группы, не утверждая этимъ однако, что *дѣйствительно* существовалъ праязыкъ съ такой системой. Современная сравнительная лингвистика въ существенномъ и сводится къ этому: „Методъ сравнительной грамматики... даетъ возможность установить лишь опредѣленную систему соотвѣтствій между исторически засвидѣтельствованными языками“ *). Говорить о крупномъ значеніи опредѣленій этихъ соотвѣтствій здѣсь не мѣсто, но строгая научность лингвистики отсюда очевидна

Можно было бы разсмотрѣть и эволюцію

---

*) А. Мейе. Введеніе въ сравн. грам. индо-евр. яз. Пер. проф. Д. Кудрявскаго, изд. 2-е. Юрьевъ, 1914. стр. 43.

языковъ, представляющуюся задачею сравнительной лингвистики, безъ допущенія историческихъ гипотезъ, подобно тому, какъ мы разсмотрѣли исторію философіи; но въ задачи настоящей статьи входило только отдѣлить лингвистику отъ чисто историческихъ дисциплинъ, что̀ сдѣлано и предыдущими замѣчаніями.

VII. Заопытное и сверхопытное.

Итакъ, исторія философіи и сравнительная лингвистика—науки именно постольку, поскольку онѣ не исторія и поскольку объ ихъ объектахъ возможенъ опытъ; объекты исторіи заопытны именно потому, что они—объекты *исторіи*; самое понятіе исторіи исключаетъ понятіе возможности опыта.

Во всемъ этомъ видна ясная аналогія съ тѣми результатами, какіе получилъ проф. А. И. Введенскій при отысканіи объективныхъ признаковъ одушевленія: объекты исторіи, какъ и чужая душевная жизнь, могутъ быть отвергаемы безъ всякаго опасенія натолкнуться на противорѣчія съ фактами; реальная наличность объектовъ исторіи (напр., существованіе Римской имперіи), какъ и чужое одушевленіе, не имѣетъ объективныхъ признаковъ; можно даже сказать, что какъ чужое одушевленіе даже и непредставимо какъ *чужое*, такъ и объекты исторіи непредставимы какъ объекты *исторіи*: представляя, напр., теченіе французской революціи или культуру каменнаго вѣка, мы необходимо представляемъ ихъ себѣ происхо-

дящими, а не происшедшими, т. е., въ настоящемъ времени, а не въ прошедшемъ и, слѣд., объектами *не исторіи*, а современности; прошлое какъ прошлое совершенно непредставимо, представляя прошлое, я представляю его настоящимъ, но только примысливаю, что оно есть прошлое,—совершенно аналогично съ тѣмъ, какъ вмѣсто чужой душевной жизни я представляю свою собственную, примысливая, воображая, будто представляю чужую*). То же, что говорилъ А. И. Введенскій о значеніи аналогіи при признаніи чужой душевной жизни, можно сказать и въ примѣненіи къ исторіи.

Итакъ, *вопросъ о наличности объектовъ прошлаго (до меня), или тѣхъ или иныхъ его объектовъ принадлежитъ къ числу эмпирически неразрѣшимыхъ*; а исторія, безъ наличности прошлаго до меня, не будетъ исторіей; слѣд., исторія не принадлежитъ къ числу эмпирическихъ дисциплинъ, ея проблемы чисто эмпирически неразрѣшимы.

Совершенно то же показалъ А. И. Введенскій относительно чужого одушевленія. А онъ относитъ проблему чужого одушевленія къ про-

---

*) См. А. И. Введенскаго, О пред. и призн. одуш. стр. 31 и сл. Къ исторіи можно было бы примѣнить даже и въ деталяхъ разсужденія А. И. Введенскаго.

блемамъ трансцендентно-метафизическимъ, и это понятно: вѣдь для него, какъ и для Канта, всѣ объекты всѣхъ возможныхъ сужденій распадаются на три (и только на три) группы—на эмпирическіе, трансцендентальные и трансцендентные; и разъ данный объектъ (чужое одушевленіе) не есть ни эмпирическій, ни трансцендентальный, естественно, что ему остается быть трансцендентнымъ. Но вѣдь *и объекты исторіи, оказывается, не суть ни эмпирическіе, ни трансцендентальные; слѣд., они трансцендентные и, значитъ, исторія есть метафизика?*—Несомнѣнно такъ, если принимать классификацію объектовъ, данную Кантомъ. Но если парадоксальность отнесенія проблемы чужой душевной жизни къ метафизикѣ не была слишкомъ замѣтна, чтобы вызвать пересмотръ классификаціи объектовъ Кантомъ, то парадоксальность сведенія исторіи къ метафизикѣ столь велика, что уже невольно ставится вопросъ: да *правильно ли дѣленіе всѣхъ объектовъ сужденій на эмпирическіе, трансцендентальные и трансцендентные?* Этотъ вопросъ сведется въ настоящемъ случаѣ къ слѣдующему: есть ли какая либо разница между объектами подлинно трансцендентными (метафизическими) и объектами исторіи?

Характернѣйшей чертой метафизическихъ объектовъ является полная непримѣнимость къ нимъ понятія большей и меньшей вѣроятности,

какъ это признаетъ и А. И. Введенскій*); относительно метафизическихъ объектовъ *совершенно* съ одинаковой вѣроятностью можно утверждать и отрицать, что они существуютъ, и вообще приписывать имъ и отрицать у нихъ что бы то ни было. „Вѣроятность есть достовѣрное отношеніе одного достовѣрнаго факта къ другому, именно, достовѣрно узнаннаго числа шансовъ, благопріятныхъ для чего нибудь, къ общему числу всѣхъ возможныхъ (какъ благопріятныхъ, такъ и неблагопріятныхъ) шансовъ"**). А относительно метафизическихъ объектовъ не можетъ быть совершенно никакого знанія и поэтому совершенно ни одного шанса ни за, ни противъ принадлежности имъ чего либо; всѣ шансы за то или за другое—шансы мнимые; ни объ одномъ сужденіи, услышанномъ мною отъ кого бы то ни было, о какомъ либо метафизическомъ объектѣ, я никогда не смогу сказать: я *знаю*, что оно ложно.—Такъ же ли дѣло обстоитъ и съ объектами историческими?—Нѣтъ! Представимъ себѣ человѣка, осознавшаго себя впервые сегодня; конечно, ни одно его знаніе, ни одинъ извѣстный ему фактъ не будетъ противорѣчить ему, если онъ скажетъ, обращаясь ко мнѣ: „Мнѣ разсказываютъ, что и до моего осознанія

*) Логика.... стр. 393 и сл.

**) Ibid., стр. 393.

были нѣкія явленія, было нѣкое „вчера“ съ измѣнчивыми явленіями, и что ты до моего осознанія написалъ эти строки, которыя я теперь читаю; но на это нѣтъ никакихъ доказательствъ, и я думаю, что и ты и всѣ явленія возникли или вмѣстѣ со мной или непосредственно до меня“.—Конечно, для этого скептика мое „вчера будетъ объектомъ историческимъ, и ни объ его дѣйствительной наличности, ни объ его содержаніи у него нѣтъ и не можетъ быть никакихъ знаній, никакого опыта, и онъ имѣетъ полное логическое право отвергать наличность историческихъ явленій; но *я-то твердо знаю, что онъ, отвергая ихъ, ошибается, знаю, что его сужденіе о несуществованіи данныхъ объектовъ исторіи* (ибо для него они—объекты *исторіи*) *ложно*; и наоборотъ, если бы онъ признавалъ наличность данныхъ объектовъ, его сужденіе было бы правильнымъ, *я знаю это непосредственно*. Итакъ, хотя объ объектахъ исторіи какъ таковыхъ не можетъ быть никакого опыта, и одинаково позволительно (логически) признавать и отрицать ихъ, но относительно нѣкоторыхъ сужденій, высказанныхъ другими объ объектахъ, являющихся по отношенію къ нимъ объектами исторіи, *я знаю*, что они правильны или ложны.

То же мы замѣчаемъ и въ проблемѣ о чужомъ одушевленіи: мы всегда можемъ предста-

вить себѣ, что кто либо (независимо отъ того, есть ли у него душевная жизнь или нѣтъ) выскажетъ сужденіе: „Никто, кромѣ меня, не одушевленъ". Онъ дѣйствительно не можетъ быть опровергнутъ никакими доводами, ни одинъ (его) фактъ не будетъ противорѣчить ему; но вѣдь для высказывающаго это сужденіе и *моя* душевная жизнь будетъ чужой, а я непосредственно *знаю*, что она *есть*, слѣд., *столь же непосредственно знаю, что сужденіе скептика, отрицающаго вообще чужую душевную жизнь, ложно*: вѣдь даже если у этого скептика нѣтъ душевной жизни, и его сужденіе есть результатъ чисто физіологическихъ (или какихъ бы то ни было) функцій, все-таки моя-то душевная жизнь будетъ по отношенію къ нему *чужой* душевной жизнью, слѣд., *я знаю, что по крайней мѣрѣ отрицаніе одной чужой душевной жизни несомнѣнно ложно, какъ знаю и то, что отрицаніе по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ объектовъ исторіи ложно.*

Но достаточно констатировать одно исключеніе изъ правила, чтобы убѣдиться, что за наличность другихъ исключеній есть хотя бы одинъ шансъ, тогда какъ противъ такой наличности нѣтъ ни одного шанса. Итакъ, *болѣе вѣроятно, что есть чужая душевная жизнь и что дѣйствительно существуютъ объекты исторіи, чѣмъ что нѣтъ того и другого.*

Эта наличность большей вѣроятности существованія объектовъ исторіи и чужой душевной жизни и полагаетъ рѣзкую грань между этими объектами и объектами подлинно метафизическими. Мы не имѣемъ никакого основанія и права называть метафизическими тѣ объекты, относительно которыхъ съ большей вѣроятностью можно утверждать одно, чѣмъ другое, противоположное первому: метафизическіе объекты тѣмъ, повторяемъ, и характерны, что нѣтъ ни одного шанса сказать о нихъ съ большею вѣроятностью одно, чѣмъ другое *Итакъ, объекты исторіи и чужое одушевленіе не суть объекты метафизическіе*: но они и не суть объекты ни эмпирическіе, ибо о нихъ невозможенъ никакой опытъ, ни трансцендентальные. Отсюда очевидно, что всѣ объекты сужденій неправильно дѣлить только на эти три рода, что есть еще нѣкіе объекты, относительно которыхъ хотя и не можетъ быть никакого знанія, однако можно высказывать одно съ большею вѣроятностью, чѣмъ другое. То, что о нихъ не можетъ быть знанія, сближаетъ ихъ съ метафизическими объектами, но то, что сужденія о нихъ имѣютъ различную степень вѣроятности, отличаетъ ихъ отъ метафизическихъ. Назовемъ эти объекты *заопытными*, въ отличіе отъ сверхопытныхъ, ибо это послѣднее названіе обычно усвояется объектамъ метафизическимъ.

Итакъ, всѣ объекты сужденій мы считаемъ правильнымъ раздѣлить на слѣдующіе четыре вида:

объекты знанія	1. эмпирическіе 2. трансцендентальные
объекты вѣры	3. заопытные 4. сверхопытные (трансцендентные, метафизическіе)

Относится ли проблема чужого одушевленія къ заопытнымъ объектамъ? Если правъ проф. И. И. Лапшинъ, говоря: „Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что проблема „чужого Я“ разрѣшима строго научнымъ, теоретическимъ путемъ на почвѣ критической философіи“ *), то она, конечно, не могла бы быть переведена въ знаніе; но пока И. И. Лапшинъ не показалъ намъ пути къ рѣшенію этой проблемы, какъ онъ это обѣщаетъ, мы считаемъ эту проблему заопытной; но даже если бы она и не оказалась таковой, то все же необходимо считать заопытными по крайней мѣрѣ объекты исторіи; кромѣ нихъ, можетъ быть, есть и другіе заопытные объекты.

*) И. И. Лапшинъ. Проблема „чужого Я“ въ новѣйшей философіи. С П.Б. 1910, стр. 192.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Феноменальное и ноуменальное . . . 5

II Знаніе 10

III. Исторія и непосредственное знаніе . 15

IV. Исторія и опосредствованное знаніе . 18

V. Допущенія исторіи 25

VI. Исторія философіи и сравнительная лингвистика 31

VII Заопытное и сверхопытное 39

Того же автора:

1. Словарь терминовъ Канта. (Къ тремъ Критикамъ). Каз. 1913. ц. 50 к.

2. Таблицы по исторіи философіи. Каз. 1914. ц. 1 р. 05 к.

Цѣна 40 коп.